

Сергей Супремов

ЗНАКИ СОБАКИ

16+

Сергей Супремов

Знаки-Собаки

«Автор»

2016

Супремов С.

Знаки-Собаки / С. Супремов — «Автор», 2016

Собака, школьница и полковник. Третий всегда лишний. Это кто угодно, но не военный. Судьба собаки, вырвавшейся из животной оболочки, маленькой девочки, возомнившей себя продолжением животного в фотогеничном облики и специалиста, воспитывающего четвероногих солдат армии будущего. Полковник доказал штабу, что сила мозга и негибаемая воля делают из собак первоклассных солдат. Новые единицы армии быстро заживают, не нуждаются в многочасовом сне и обходятся казне в разы дешевле.

© Супремов С., 2016

© Автор, 2016

Глава 1.

Собака

Лай отражался от стен и вырывался на улицу. Собака Дара лаяла отчаянно и, пугаясь собственного шума, только добавляла ему громкости.

– Эй, потише! – впервые за все пребывание в новом доме услышала собака. Но как она могла успокоиться? Это был первый раз после переезда в новое место, когда она могла от души полаять, когда можно в свой лай добавить недовольство бегающими за окнами другими четвероногими, и то еще, что новый хозяин почти не обращает на нее внимание. В Дариных ругательствах все же больше было злобы на себя и свою беспомощность. Четвертый день она не могла произвести никакого впечатления на Серафима – ни плохого, ни хорошего.

Серафим ни за что бы ее не взял, если бы не благосклонность к Лоре. Дочь уговаривала принять собачку на время. Сперва она купила Дару – маленького щенка и игралась с ней, пока та не выросла и не стала похожей на других представительниц своего рода. У Лоры вскоре появился муж, и новый хозяин дома с подозрением относился к Даре. Однажды, выпивши сверх меры, побил Дару, а та его укусила. Опасаясь мужниного гнева, дочь упростила Серафима взять питомца, пока поутихнет муж.

Так у любящего одиночество Серафима появилась Дара. Вначале старик за нею просто наблюдал; не ласкал, не гладил. Водил раз в день гулять, а другой раз просто привязывал к воротам возле дома. Дара поняла, что ей следует быть послушной и смирной. И вот досада: новая обитательница в первый раз залаяла, и хозяин ее одергивает. Как он не понимает, что для самоутверждения собака должна хоть иногда подавать голос?! Люди ведь рассказывают другим о себе, о своей жизни, и им можно. Так и собаке хоть изредка необходимо излить душу в красивом ритме своего оригинального голоса. Если лай выходит некрасивым, не беда. Все равно такая практика дает другу человека радость от самой возможности сказать о себе.

Занятия нового хозяина Дара не могла взять в толк. Прежняя женщина всегда гладила и теребила, каждый раз говорила ласковые слова. Да и другие занятия хозяйки Дара понимала. Лора была всегда в движении – что-то стряпала, красила лицо, смотрела телевизор.

Серафим оказался иным. Он мало двигался, хотя и не был ленивым, как Лорин муж. Если бы не хорошее чутье на самые тонкие запахи, то Дара сочла, что порою Серафим не больше чем часть мебели.

Дочь хозяина умела говорить почти без умолку – она всегда выдавала множество звуков. Любое дело сопровождалось возгласами и приговорками. По интонациям Дара выучилась распознавать изменение в настроении женщины. Она знала, когда стоит крутиться под ногами Лоры, а когда не попадаться на глаза.

Серафим же не уделял Даре никакого внимания. Она поскуливала, ожидая хоть какого-то внимания. Ей даже казалось, что Лорин муж-злодей лучше бездушного Серафима.

«Пусть бы пнул меня, пусть больно! Только не так, только бы не молчал, только бы не молчал!» – думала собака.

Надо заметить, что в силу собачьей природы мысли животных короче людских, но повторяются дважды, а то и больше. Молодая обитательница этого мира была убеждена, что Лора и другие люди мыслят похожим образом – пять-шесть раз одна и та же идея. Собака наблюдала такую особенность мышления у хозяйки, когда та злилась или нервничала.

Глава 2.

Причиной хорошего настроения Лоры нередко было зеркало, перед которым она раскрашивала лицо. Когда Дара подросла, она повадилась забегать в комнату с зеркалом и, встав на задние лапы, старалась углядеть в стекляшке крашеную Лору. Только через месяц наблюдений она поняла, что там появляется ее собачья морда.

Любознательной малолетке все же хотелось походить на женщину с разрисованным лицом. Однажды Дара зубами открыла банку с пудрой и обеими сторонами морды прислони-

лась к пахучему порошку. В зеркале стало видно, что морда побелела. Получилось немного похоже на Лору, и собака осталась довольна.

Трюк с имитацией Серафима не получался так же легко.

«Надо сидеть. Стать каменной, стать неподвижной!» – Дара придумывала способ быть похожей на старика. Но как ни усердствовала собака, все же не могла, не двигаясь, усидеть и минуты.

«День и ночь – это движение времени», – поняла Дара, прожив неделю в доме Серафима. Для пса время стало видимым и понятным благодаря наблюдению за стрелками настенных часов. Когда с утра те занимали ровную, как стебель травы, линию на циферблате, Дара начала пристально следить за Серафимом:

«Делает несколько движений. Замирает. Перестает быть мягким, теплым. Похож на мебель, с головой и телом, как у хозяина. Послушная инстинкту, собака замирала, боясь подойти близко к застывшему мебель-человеку. Дара напрягала весь свой слух и чутье, чтобы понять, что происходит с загадочным хозяином.

«Он дышит!» – только одно понимала собака. С ранних пор Дара знала, что дыхание означает жизнь. Гуляя с Лорой в парке, собака однажды по запаху обнаружила в траве кошку. Дара подбежала к ней и в тот же миг отпрянула, не сообразив отчего. Кошка давно забыла про дыхание.

«Ее жизни нет. Нет ее жизни!» – озарило Дару.

Серафим не мертвое тело, – он сохранял привычный для него запах. Та бедняжка имела запах не живой, но страшный и пугающий. Собаке часто снился сон с неподвижной кошкой, и Дара рычала и щетинилась во сне. Со временем Дара научилась распознавать и другие тонкие запахи, исходящие от безмолвного хозяина. То были еле уловимые запахи неизвестных цветов.

С флорой Дара познакомилась в детстве и стала быстро различать между пахучими цветами полезные и ненужные ей.

Когда хозяин возился по хозяйству, запаха цветов не ощущалось. Он возникал, только когда Серафим восседал безмолвно на стуле. Когда две линии на часах соединялись в одну, запах начинал расслаиваться на десятки тонких пахучих струй.

Собачий собственный запах никак не действовал на обладательницу вплоть до самого «дня воды». Серафим часто бывал в комнате, известной обилием воды, которая тонкими струями падала сверху. Он мог по два раза на дню заходить туда и выходить мокрым, со струями воды, стекающими по ногам. Когда хозяин уходил, Дара обнюхивала лужицы, накапавшие на пол. Она распознавала запах самой воды, а также смеси из трав и фруктов, многие из которых она знала.

Знакомство с палитрой ароматов происходило, когда в отсутствии хозяина она забиралась в водную комнату и носом ловила источник фруктового парфюма. Тот прятался в баночке на полке. Вблизи запах был уж очень терпким.

«Здесь живет много запахов от Хозяина», – заключила Дара, проверяя другие флаконы и пузырьки. Вот только приближаться к источнику воды собака решительно не хотела. Идея познакомиться с жуткими струйками страшила до дрожи.

Глава 3.

– Невероятно! Первым осмысленным решением твоей собаки оказалась идея испугаться, – с удивлением в голосе рассказывал Серафим дочери по телефону, – собачий нехитрый мозг не мог до такого дойти. Сработало другое: лохматая поставила себе понравиться новому дяде. И как?! Сделав то, что делаю я. Забавно, правда?!

Лохматая рассуждала примерно так:

«Сидеть без движения не получается, как ни пробуй. Вот облиться водой можно, хоть и страшно! Один раз, только один раз!» Но омовение оказалось кошмарнее, чем Дара мыслила.

Сдвинув носом рычажок крана, она тотчас же ощутила на спине и голове холодные струи воды. От неожиданности псина взвизгнула и отскочила в угол.

С рычанием, будто встречая неприятеля, Дара вновь двинулась к струям воды и попробовала их укусить, но бедняга только больше забрызгала морду. Животное заскулило от внезапной прозорливости врага и следующим маневром было решило запрыгнуть и перекусить место, откуда наиболее интенсивно стрелял неприятель. В прыжке Дара на всю раскрыла пасть, и... вкусила изрядную порцию водного коктейля, который так же угостил и ее нос. Несчастливая перестала что-либо чувствовать. В переносе на человеческие функции это равнялось бы утере зрения.

Водная терапия на короткое время лишила животное всякой ориентации. Но этих секунд хватило, чтобы окончательно замочить неудачливую воительницу. В довесок, на Дару опрокинулась баночка с пахучей жидкостью, и в местах, куда она пролилась, шерсть покрылась белой пеной.

Из стихии собака выскочила полностью промокшей. Вдогонку ей мчался шум воды, догнали беспощадные капли. Она принялась отряхиваться, попеременно вращая всеми частями туловища. Пена просто так не отлипала, и ее, горьковатую, пришлось вылизывать языком.

Оставляя лужи на каждом шагу, собака побрела в свой угол. Она скулила, будучи не в силах оправиться от пережитого шока. Волевым импульсом Дара провела мысленную переключку: все ли части на ее дрожащем теле на своих местах.

«Дыхание есть. Дышу. Вижу. Запах сильный. Трава. Фрукты. Сильный запах. Вокруг вода. Вода!»

Собака улеглась, и с нее сразу натекла лужа. Она снова поднялась, отряхнулась всем телом. От этого запах высохшего шампуня полностью завоевал пространство кухни.

Вскоре за входной дверью послышались шаги Серафима. Виновато прижав уши, собака стала коситься на дверь.

Сначала Серафим рванулся успокаивать взбесившуюся воду. Старик не понимал, как вода могла одолеть железные краны и изгибы труб, сдерживающих ее движение. На ум могли прийти самые невероятные предположения. Вернувшись на кухню, Серафим увидел пса и стал медленно, не веря своим догадкам, складывать картину происшедшего. Настенные часы стукнули шесть вечера.

Возможно, впервые за более чем трехнедельную жизнь в доме молчаливого мужчины Дара заметила на его лице эмоцию: выражение, отдаленно похожее на то, что она ежедневно наблюдала у Лоры.

Смятение и испуг промокшего животного сменились удивлением. Особенно, когда Серафим подошел и стал полотенцем тереть ее мокрые бока. Он что-то сказал, и инстинктивно Дара поняла, что старик... жалеет ее. Хозяин улыбнулся и в первый раз погладил Дару по голове.

«Хорошо, хорошо! – быстрыми стрелами пронеслось в ее голове, – Хозяину нравится то, что я сделала. Он не злой! Не злой!». Не зная почему, Дара лизнула его шершавую щеку.

Глава 4.

С того самого дня Серафим стал украдкой подсматривать за собакой. Еще накануне Дариной водной феерии Серафим говорил с дочерью по телефону.

– Пап, ну еще недельку-другую. Прошу! Кому я ее оставляю? Мой утихнет, и Дарку назад заберу. Он какой-то не в себе последнее время!

– Лора, ты говорила это две недели назад, а твой муж все никак не успокаивается. Что у него с погодой – всегда штормит? А ты, выходит, волнорез!?

– Опять твои аллегории! Сам волнорез, если на то пошло. Вокруг все рушится, а тебе нипочем, – дочка стала нервничать.

Она не ожидала, что упрашивание затянется:

– Тебе даже на пользу живое существо рядом! Станешь нелюдим... вообще! Пап, ты, кроме меня, с кем-нибудь разговариваешь, а?! Вот с животным хоть побеседуй, душу ему свою открой, если с людьми, тебе по обществу близкими, ты не контактишь!

– Лора, давай не будем уходить от вопроса. Скажи точно, когда?

Лора через силу сдерживала раздражительность:

– Давай-таки поднимем этот вопрос – ты всегда соскакиваешь с темы. Ты же был нормальный! С мамой жизнь удалась... Все это твои учебники! Шамбала-бамбала! Что ты в них нарыл? Я, думаешь, не заглядывала, о чем там повествуют. Ширпотреб... прописные истины! Другие люди прочитают и забудут – книг вокруг тонны. На всю жизнь читать – не начитаешься. А ты заиклился!

– Лора, милая, ты ведь только слова прочитала, и то далеко не все, – без тени возмущения произнес старик, – за каждым предложением есть смысл. Вот твоя собака! Смотрит на меня, а что с ней разговаривать, все равно ничего не понимает. Хотя каждое слово слышит. Извини за сравнение: ты читаешь слова в книжках, но понимаешь ли ты сами книги?

– Папа, не надо меня грузить! Эту философию я сдала еще в «универе», причем на «отлично». Думаешь, ты более грамотный, чем наш препод? Он профессор, степени всякие. Но никогда он не парился со смысловыми догадками. Есть конспект – прочитал лекцию, поумничал перед студентами. После звонка нормальный мужик. Пивко в столовой с аспирантами пил, смеялся. Ты-то вообще смеешься? И пива мог бы иногда выпить для настроения. Тогда и Дарка тебе бы приглянулась. Нормальное животное, «царская осанка». Ну, не мешает же она тебе?... Пап, ну недельку, – заныла Лора, – я со своим завтра поговорю, сегодня он злой будет с работы. А?!

– Спасибо, дочь! – в сердцах произнес Серафим.

– Да ты не злись, я ведь... – пыталась успокоить отца Лора, – книжки умные призывают не злиться на ближнего!

– Нет. Ты меня не задела! Спасибо за профессора твоего, – произнес он, – ... я об этом недавно думал. Что знать можно всякое, а вот быть тем, что ты знаешь, дано не всем! Спасибо, Лора, просветлила ты меня... А собачка пусть поживет. Пусть! Она нешумная, только меня что-то остерегается. Поправим!

– Пап, я что, не то сказала? Извини, а! – затараторила дочка.

– Ну, что ты «паришься»? – передразнил ее Серафим.

– Ну тебя! Я продукты для Дарки в холодильнике оставляю. Пока! Не плачь и кушай здоровую пищу! – в своем привычном торопливо-шутливом стиле изрекла Лора.

Глава 5.

Серафим стоял посреди комнаты, в которой еще витал аромат шампуня. Сейчас, после Дариной самовольной помывки, как неожиданно поменялось его мнение о неуютной обстановке, которую он терпел вторую неделю. Дискомфорт исчез, улетучился неизвестно куда, и все будто заняло свои прежние места. Серафим подумал:

«Ну вот, собака приросла к моей жизни! Как миллионы других вещей, которых я теперь и не замечаю. Но стоит исчезнуть какой-нибудь из привычек, а иной вещи пропасть, так опять начну чувствовать утрату, охать. На кой это мне?! Серафимка, не привыкай к животному. Зачем еще одно бремя? Не надо ее больше гладить. И не думай о ней вообще – ни хорошего, ни дурного. Пусть живет себе, как муха. Что мне до мух? Те себе летают, лишь бы не надоедали. Все!»

При этом он покосился на Дару. Та смотрела на него немигающими глазами.

«Большие у нее глаза, чистые... Ну, довольно, пускай себе глядит! Быстрее по-человечески жить выучится. Надо посмотреть, что книги пишут о собаках, как четвероногие на людей влияют. Вот тоже мне забот припало! Но я сильный, не такое переживал! Главное, не привязыв-

ваться, а там, пусть хоть приют для бездомных животных у меня в комнате будет. Будь сильнее, будь выше этого!»

Спустя минуту Серафим пристыдился своих боязливых мыслей. Какие только испытания он ни прошел за свои шестьдесят семь лет! Теперь животное на денек взял и уже волнуется. Наверное, старость. Или мудрость? По какой причине, непонятно, но с того случая краешком глаза он стал приглядывать за Дарой. Случай с душем и несмышленной собакой показался ему невероятным. За всю жизнь он не слышал и не видел, чтобы животные сами намыливались, включали воду и вообще заботились о гигиене по человеческим меркам.

Мысли прервал звонок в дверь. Серафим вспомнил, что должна прийти Анджали. Идя к двери, он чуть не поскользнулся в луже, оставленной Дарой.

– Вот мне повезло! – вполголоса проворчал старик.

Глава 6.

Дара уже видела Анджали, девочку лет четырнадцати. За время пребывания у Серафима она заходила раза три и проводила в их доме около часа. Старик обычно говорил ей поучительно и с любовью в голосе, смотря в открытую книгу и редко глядя на девочку. Потом он спрашивал у Анджали, и та отвечала. Дара научилась различать вопросительные интонации в голосе человека и знала, что на определенные оттенки в голосе собеседник должен что-то сказать.

Серафим открыл дверь и от порога поспешил в свою комнату. Старик отчего-то торопился. Это привлекло внимание Дары, до тех пор лежавшей на кухне. Быстрым движением Серафим задвинул шторку на стене и пошел навстечу Анджали. Та уже сняла обувь и стояла в нерешительности у входа в гостиную. Дара встала и завилыла хвостом. Девочка приняла этот знак дружелюбия, подошла и погладила Дару.

Собака ликовала. За этот день она удостоилась двух знаков внимания от людей. Причем первое поглаживание она ценила особенно. Еще бы, чистая победа!

Девочка посмотрела на свою ладонь, потом вытерла руку об юбку и спросила что-то у Серафима. Тот улыбнулся и стал рассказывать ей историю, показывая на дверь душевой комнаты. На лице девочки отразилось изумление.

Эту реакцию Дара успела изучить и запомнить. Ее прежняя хозяйка ежедневно демонстрировала такую физиономию, беседа по телефону.

В свои девять месяцев Дара чему-то да выучилась у людей. Собаке казалось, что она стала переживать чувства, похожие на людские. Только на ее морде эмоции изображались совсем по-другому. Зато хвост сполна помогал выражать всякое настроение.

«Как много эмоций, ощущений люди передают через разговор», – удивлялась про себя Дара. Все ее попытки скопировать за двуногими их голоса заканчивались лаем, который оглушал ее саму. Бедняжку терзало отчаяние:

«Почему через свой голос я не могу, как люди?» Лаяла еще громче и никак не контролировала себя. Пока не появлялся какой-нибудь двуногий, чтобы ее уговорить. Опять же при помощи слов. Серафиму же было достаточно строго посмотреть, и Дара прекращала свой надрывный монолог. В Дариной голове промчалась недавняя эмоция – картинка Серафима, закрывающего шторку:

«Обычно хозяин ходит медленнее», – заключила собака.

Проговорив с Анджали около часа, старик и девочка стали продвигаться к выходу.

«Их встреча заканчивается. Хозяин останется один», – на этой мысли Дару потянуло к входной двери, чтобы выклянчить внимание людей. Попрошайку остановил взгляд Серафима. Немыслимым образом Дара прочитала в его глазах все, что мужчина от нее хотел.

«Он не сказал слова. Не сказал! Он не хочет, чтобы я ходила к ним. Хозяин хочет, чтобы я осталась на месте. Так и будет. Так!» На последнем мысленном «так» Дара сдержанно гавк-

нула, еле слышно визгнула и махнула хвостом. Девочка обернулась от двери и помахала собаке рукой, а псина не выдержала и дала полный голос.

Когда дверь закрылась, к Даре снова вернулась мысль:

«Хозяин быстро задернул ткань. Почему?»

Глава 7.

– Мы должны обсуждать это по телефону? Тем более сейчас... Ло-ра! – полковник усилием воли удержал крепкое слово, – я на задании, понимаешь? Давай вечером об этом... Не увилываю, ты просто не вовремя... хорошо, если настаиваешь. Твоя Дара – глупое животное. Уж поверь мне, специалисту. У нас в резерве есть сыскные собаки. Умнички! Любую травку-муравку за сто метров различают. Команды смыслят, легко дисциплинируются, послушные: клад, а не собаки! Твоя псина им не чета. Мы от таких избавляемся. Ее не заставишь слушаться, она не подчиняется приказам. Как ею можно управлять?... Да нет, я знаю! Знаю! Без тебя я пробовал, она меня куснула. Я ее припугнул... по-легкому – ни в какую! Она что-то себе там соображает. Не должны собаки думать. Понимаешь?! Для этого люди есть. А животные должны слуш-а-ться! Так, давай в субботу вдвоем на полигон съездим, я тебе покажу, что такое служебная собака. Могу с ребятами поговорить – они нам щенка организуют. НОРМАЛЬНОГО! Понимаешь, а не это... Прости, не могу говорить! Вечером».

– Что, прекрасный пол лютует? – любопытствовал шофер.

– Все со своей собакой, – с отчаянием произнес полковник и на время замолчал. Дорога уходила в лес, и вскоре большие деревья стали стеной по обе стороны и забрали на себя весь шум от машины. Стало тише, и старший по званию продолжил, чтобы заполнить ненавистную для него тишину.

– Притащила домой непонятного щенка. Кто просил? Она меня не спрашивает! Но я не об этом, – осекся полковник, – пусть бы псина была нормальная. Нет, какая-то дворняга или лайка. Хвост колесом. И ладно, так не нормальная же бестия. Ни одной команды учить не хочет. Я ей втык. Она раз – и укусила.

Полковник завернул рукав на правом запястье, где до сих пор виднелись розоватые следы укуса.

– Дура! Мы и не такие нравы ломали. Но все собаки, как собаки. Эта же – вампир какой-то. Смотрит на тебя, изучает. Будто мысли читает. И то наперекор, и се наперекор. Животный рудимент!

– Не переживайте так, это еще наверное щенок... – попробовал встрять шофер.

– Откуда ты-то знаешь? По щенку видно, какая вырастет масть. Если бы я не знал, так молчал бы. Понял!

– Так точно! – отскочило от зубов у шофера.

Бывалый военный продолжал, и словно уже не для шофера, а ради проверки своей памяти:

– Семь лет назад на полигоне появился у нас щенок. Неясно как – словно кто подсунул. По холке, по хвосту его мамка должна быть супер! Вот детеныш ни в кого пошел. Все знают – у нас работают одни доки! По пять поколений одной породы через их руки проходит. Сатурна, так кобелька звали, стали натаскивать на команды да на запахи. И вроде все как у других. Но только дюже он на людей засматривался. Как будто хочет в их мысли вникнуть. Стоит только сержанту на другую собаку не по делу накричать – ну, настроение сорвать, смотришь, Сатурн волком на сержанта смотрит. Мол, говорит: парень, незаслуженно ты выступаешь. Но это ладно!

– В полку тогда были свои дела, междоусобные, – вояка замолчал, раздумывая, как деликатнее продолжить, – кто-то кого-то заложил. Вышел конфликт, нашлись виновные. И все бы разрешилось, если бы Сатурн по фазе не подвинулся. Вот буквально! Мы-то всем собакам уколы от бешенства делаем. А на него, видно, не действовало. Медицина, как говорят, оказалась бессильна!

Полковник замолчал.

Шофер нутром понимал, что расспрашивать дальше не стоит, и следующих пятнадцать минут они ехали в безмолвии. Но в зеркало парень видел, что мысль о том Сатурне не выходит у полковника из головы.

– У тебя радио есть? Включи что-нибудь, а то все дрянь в голову лезет. Вспомнил, называется. Тьфу!

– Никак нет, мы далеко от города, может, только военную волну поймаем, – отчеканил шофер.

– Давай волну или что есть. Не трястись же в пустоте!

Зазвучали сигналы морзянки, шипение и треск – ничего интересного, но вакуум заполнился. Полковник почувствовал себя лучше и стал смотреть в карты. Потом откинулся на спинку и принялся набирать чей-то номер.

– Леонид? Здорово! Как твои питомцы? Ты в субботу будешь? Хочу с женой приехать, твою славную гвардию ей показать. Она толка в собаке не знает... так ты ей продемонстрируй, что есть боевое качество служебного долга. А-а?!

– ... Вот еще, – полковник покосился на шофера, но решил продолжить, – ты мне тогда расскажешь, что там ученые про Сатурна сказали... Так позвони им, до выходных еще день. Спроси, чем все закончилось? Ага! Сейчас не надо, тут связь может прерваться. В субботу поговорим. По рукам? Бывай!

– Вот так, – прогремел военный чин, – в армии приказ одинаков, что для человека, что для животного! Без этого нет армии. Суждения и домыслы оставляй дома: жене, матери. А тут изволь слушаться... и не лезть в чужие мысли, особенно старших по званию. Все понятно?!

– Так точно, – выпалил шофер, еще больше заинтересовавшись судьбой собаки Сатурн.

Глава 8.

«Умная зверина», как нередко Лора называла свою собаку, на следующий день оказалась одна. Она откуда-то знала, что Серафим ушел достаточно далеко и может до вечера не возвратиться. Дверь хозяйской комнаты осталась приоткрытой. Несмотря на это, Дара провела не меньше получаса, прежде чем решилась приблизиться к заветной комнате. Два раза возвращалась на свое место, долго принюхивалась, вытянув шею, насколько позволял позвоночник.

Дару атаковала нерешительность, причиной которой был неопределенный запах и противоестественная энергия, исходящая из комнаты Хозяина. В букете ароматов она могла уловить известные, те, которые она знала, искупавшись в шампуне. Вперемешку с ними витало множество сладких и терпких запахов, не известных дотеле.

Доминировал диковинный аромат, который буквально опьянял рассудок животного. Его то Дара и побаивалась. Собаку также волновала тайна – хозяин слишком быстро нырнул тогда в комнату, с тем только, чтобы закрыть штору. Ни разу прежде он не делал быстрых движений. Эта поспешность упрямо зацепилась в памяти животного.

Превозмогая неуверенность, Дара ступила в комнату. Запахи усилились. Собака отпрянула, но опять возобновила свою мягкую поступь. Вот она, шторка!

Дара без труда встала на задние лапы, передними оперившись на стену. Снова начала принюхиваться. Запахи жгли: незнакомые, приторные, пряные и одурманивающие. Но совершенно не съедобные. Может, назад? Ничего съестного. Все, как Лорины краски у зеркала, – одна чепуха!

Как ни пыталась собака не отвлекаться на жжение, но ароматы атаковали ее, и чем ближе, тем больше.

Сперва Дара нежно схватила зубами ткань, но поняла, что так не сумеет ничего разглядеть. Тогда носом она принялась толкать край занавески, но та неизменно возвращалась на прежнее место. Это раззадорило молодую натуру, и она стала хватать уголок занавески со всей силой. Такой маневр ничего не менял. Тогда Дара, насколько могла, вытянула лапу и, удерживая,

живая зубами край ткани, ударила по верх своего носа. Раздался шелчок, и ткань обрушилась собаке на морду, одним краем продолжая висеть на стене. Дара открыла глаза и поняла, что совершила что-то отчаянно плохое. Очень, очень плохое, и ей за это влетит!

Но за шторкой оказалось то, что сразило ее наповал. В нише наподобие оконной она увидела маленькую... Лору, только темную, заостренную, неподвижную и в непонятной одежде. Контуры тела были Лорины, но что-то отличалось. В руке темная «Лора» держала палку, а в другой непонятно что: круглое и с глазами.

Вся эта сцена ужаснула собаку до глубины. Что было сил, Дара пустилась прочь из комнаты на кухню, в душевую, снова на кухню под стол, переползла под стул, заскулила. Ее сердце стучало как бешеное. Даре казалось, что оно вот-вот вырвется из груди. Кровь ударяла в мозг, а тот шквалом сыпал страшные картинки, которых Дара не могла видеть при жизни. Собаку терзал древний инстинкт страха, тяга к самосохранению в ущерб всему, любой ценой.

Собака принялась рычать и скалиться на невидимого врага. Потом вновь заскулила, все так же ощущая сумасшедшее сердцебиение. Единственное, что она понимала, – хозяин будет зол. Перед глазами стояла темная Лора-мстительница, которая, как мерещилось, шлет гневные стрелы. Как только Дара не умерла со страху?

Бессознательное полностью овладело животным. Перед глазами мчались никогда не виденные картины из других миров: густо переплетенные стволы деревьев и лиан, погоня, неуправляемый страх и неистовый свет, который пробивается сквозь заросли, близится к ней. Эмоции подхватили Дару и что есть сил понесли прочь от этого света, который от погони только наращивал свою интенсивность. Он был неумолим. Чувства переворачивали и крутили несчастное четвероногое, делая ее своим орудием. Дара не понимала, что с ней происходит, – все казалось нереальной картиной, плодом бушующей фантазии.

«Злая Лора! Злая Лора! Злой Хозяин!» – неслось в ее голове. Часы на стене хрустнули пять раз, звуком напоминая ломающиеся ветви.

Глава 9.

Серафим смотрел на оборванную штору стеклянными глазами. Его неуклюжая фигура замерла в недоумении. Из дальнего угла кухни Дара могла видеть, как переживает хозяином. Он остолбенел, став похожим на свою «каменную Лору». Уставился в одну точку и застыл. Это было тем неопишваемым, что никогда не укладывалось в голове животного. Быть недвижимым, быть каменным. Дара почувствовала на языке солоноватый вкус. Так бывает, когда лизнешь камень на дороге – не резкий, но солоноватый. Ах, как Хозяин напоминал камень!

Да и Дара, подсматривая за ним, замерла, не шелохнувшись. Не меняя выражения лица, хозяин встал и пошел в ее сторону. Если бы он взглянул на нее, то увидел Дарины жалостливые глаза. Но он шел не глядя.

Серафим сел на корточки и за ошейник притянул собаку к себе. Та заскулила, но сопротивляться не стала. Ее уши оказались напротив его губ, и он, не открывая глаз, стал что-то отчетливо проговаривать. Она не понимала слов, но хорошо чувствовала настроение буквально каждого из них. Он говорил о маленькой темной «Лоре». Казалось, эта заостренная особа была во много крат дороже Хозяину, чем его живая дочь. Он произносил горячие слова, вмещавшие еще более жаркие чувства, которые, как понимала Дара, к ее собачьей природе не предназначались.

Выглядело так, словно хозяин повествует Даре про ту маленькую фигурку, подобно матери, рассказывающей ребенку о чем-то простом. Одно слово призывало ее, Дарино, внимание, следующее говорило о самом Хозяине, еще одно вещало о важности «маленькой Лоры» и в конце предложения Хозяин несколько раз с особой нежностью произнес что-то наподобие – «ли-ка, ли-ка».

В следующем предложении он вспоминал о чем-то из прошлого. Дара умела распознавать интонацию, с которой люди говорят о том, что случилось в дни, предшествующие настоящему.

В собачьем сознании события прошлого возникали, как картинки с размытыми контурами, но сильными чувственными мазками. Серафим сказал два предложения о прошлом, улыбнулся, затем из его глаз покатались капли.

Дара опять почувствовала на языке соль, и ее сердце сжалось. Она забыла картинку, в которой хозяин наказывает ее, и повторила себе:

«Он не будет злиться! Он не злой! Он помнит Лору в прошлом!»

Серафим знаком показал Даре следовать за ним и направился в свою комнату. Собаке было страшновато, но она нехотя последовала за мужчиной и, не поднимая головы, стала косить глаза на нишу со «свирепой Лорой». Поймав взглядом страшное изображение, она заскулила и гавкнула от своей беспомощности.

Хозяин не обратил на это внимания и все время смотрел на «маленькую Лору» и повторял «ли-ко, ли-ко, ли-ко», будто прося чего-то у страшного создания. И тут Дара поняла, что Хозяин сам боится этой маленькой фигурки. И просит прощения за нее, глупую.

Собака прониклась симпатией – Хозяин так заботится о ней. Она лизнула старику руку, все еще побиваемая беспокойствами, и чувствуя, как дрожь из задних лап передается всему телу.

«Он не хочет сердить «злую Лору». Хозяин добрый, Лора злая! Живая Лора добрая», – собака заскучала о Серафимовой дочке, которая во всей этой истории выглядела для нее единственным дружественным персонажем.

Дара стала пятиться назад, не спуская глаз с хозяина, но тот и не смотрел на мир. Он только поднял обе руки к груди и стал петь заунывно и протяжно.

«Страшная Лора. Хозяин боится ее!»

Однако Дара не улавливала вибрации страха, который был для нее большим раздражителем. Запах был другим – что-то похожее на травы, но во много раз тоньше, волнительнее. Вдоль хохолка собаки пробежала непонятная дрожь.

Глава 10.

– Да ведь это не собаки, а какие-то военные роботы. Смотри, как они на тебя глядят. Как на человека? Нет! Как на рубку, откуда вылетают приказы. Эти животные видят только черное и белое, враг или хозяин...

– Так и есть, дорогая – вставил полковник, – собаки видят только черное и белое, так у них устроен глаз.

– Я не про то! Только неприятель и вы, их дрессировщики. Собака хоть животное, но у многих из них взгляд людской. Дарка много приятнее этих... чудовищ!

– Попробуй посмотреть на это под другим углом, – принял доказательную позицию полковник, – вокруг все говорят, что собака – друг человека. Она должна ему помогать. Правильно? Охранять, по хозяйству, где надо припугнуть воров. Честь отстоять своего владельца. Иначе что за дружба такая? Ты ее кормишь, гуляешь, а она тебе ничего не дает?

– Понятно. Тебе нравятся такие... друзья. Я люблю мягкий характер, пусть не гоняется за чужаками. Просто бы крутилась рядом.

– Все ничего: есть маленькие шавочки, под ногами путаются. Ладно! Бесплезная порода, но сжиться можно. Но твоя Дара – она претендует на другое, ей человеческое отношение подавай. Ты слышала, что собаки мысли читают? Одно хорошо, что слов они не разбирают, но мысль, она даже без слов несет информацию, и собаки, будем говорить, некоторые из них, умеют это считывать. Специалисты должны изучать такие случаи, а на полигоне таким тварям не место. Твоя Дара имеет все шансы попасть к специалисту, если будет продолжать свои выходы.

Нахмурившись, он добавил:

– Не пойму, чего им не хватает? Все условия созданы. Живешь в тепле, еда, забота. Нет, лезут тебе в душу! Люди лезут, и еще... собаки!

Подошел Леонид, и они с полковником принялись обсуждать дела. Под конец разговора полковник поинтересовался о Сатурне. Леонид сменил тон и перешел на короткие двусмысленные высказывания. Лора стояла рядом и заинтересовалась такой переменной настроенности.

– Кто кого! Пустяки. Только они утверждают, что гипертизация не выход. Терять животное смерти подобно для продолжения популяции. Мы ведь лучших с лучшими скрещиваем. Так, говорят, надо и подобную ветвь продлить...

– Что за чушь! Дай мне телефон их главного. Посмотришь еще, своим выводком они начнут разбавлять наш состав. Читал я в отчетах. Нет чтобы в другом месте попробовать!

Обращаясь к Лоре, полковник добавил:

– Каждая собака должна знать свое место. Одни служат, другие дома живут, стерегут, уважают. Третьи у ученых в клетках и с проводками на голове. Я так считаю! Лора, у моего друга есть шенки великолепной породы, чистейшая родословная. Я лично знал мамку этих детенышей. Давай возьмем?! А твою Дару отцу отдай навсегда.

– У-у-у! – Лора подыскивала верный ход, – во-первых, он не возьмет и звонит каждый день – забирай, да забирай...

– Видишь, он тоже, хоть и старый, но понимает: она – дрянное животное.

Не обращая на него внимания, женщина нашла, чем закончить:

– Ты добавил мне уверенности, и я еще больше хочу забрать Дару. Вместо того чтобы придумать, как сжиться с Даркой, ты стараешься переубедить меня и оставить ее у папы.

– А вы хотели бы, чтобы она заняла ваше место? – неожиданно вмешался Леонид, – если ваша собака такая, как Сатурн, то... что угодно можно ожидать.

Полковник повел бровью и постарался не смотреть на жену. Та кинула взгляд на мужа и с недоумением переспросила:

– Мое место жены? Или...

– Нет. Человеческое место. Мы же все не случайно рождены – у каждого свое место. Вы одно делаете, ваш супруг – другое. У каждого свои занятия. Правильно?

Лора посмотрела на мужа, но тот намеренно уставился на дальнее стрельбище и делал вид, что не слышит непонятного разговора. Женщина заволновалась.

– Я не понимаю. Это что за... чушь. Какое место, какая роль? При чем здесь моя собака?

– Кто вам сказал, что она – собака?

Лора опешила. Ей показалось, что еще секунда, и она узнает, что ее милая Дара – оборотень или еще хуже.

– Они, – женщина кивнула на тренирующихся псов, – тоже... не собаки?

Лора боялась произнести слово «оборотень».

– О нет! Они не просто собаки с большой буквы; они отличные, служебные единицы. Просто великолепные! Лучшие в своем роде. Гордость армии! А ваша собачка, как я понял, не может считаться собакой... в привычном смысле.

Лора окликнула мужа с дрожью в голосе.

– Что за цирк? Вы что, меня сюда разыгрывать привезли?

Полковник сделал вид, что встрепетулся от задумчивости и отстраненно посмотрел на жену:

– Все в порядке. Ты чем-то не довольна?

– Т-а-а-к! Сговор. Что ты наговорил своему приятелю про Дару? Она самая нормальная псина. Какое мое место? Что я собакой стану, а Дара... твоей женой. У меня другого места пока нет, чтобы его занять. Вздор какой-то! Ребята, объясните. Я военные шутки так и не научилась понимать.

– Леонид, ты ей не рассказал еще про Сатурна? Ой! Я подумал, вы об этом толкуете.

Всем своим видом Лора выражала недоумение.

– Объясните, наконец! – взвизгнула она.

Леонид тотчас же заговорил:

– Невозможно такое объяснить. Нет еще такой теории, чтобы объяснять. И вряд ли будет! Только факты. Есть собаки. Снаружи животные, а мозг человеческий. Тесно этому мозгу в их маленькой голове.

У Лоры отлегло – очередной феномен, которых вокруг сотни тысяч. Угроза быть замещенной чисто теоретическая.

Леонид продолжал:

– Как эволюционный вид эти псевдособаки уже пережили свое животное обличие. Удерживать их в своей форме может только инстинкт животного и модель взаимодействия с окружающим миром. Но движение внутри их сознания очень быстрое. Порой более прогрессивное, чем у человека.

От излишне философского повествования Леонид придал лицу сложное выражение и придвинулся к женщине ближе, отчего она поежилась. После этого маневра последовал рассказ о рядовом Бауме. Военная логика явно давалась женщине с трудом.

Полковник выразил некоторые признаки неуверенности – история солдата не входила в сегодняшнюю программу. Муж не хотел, чтобы жена знала тему настолько глубоко. Ну, уж раз пошло-поехало...

Глава 11.

– Баум был пацифистом, – начал Леонид, – делал здесь много пакостей. Из снарядов лозунги выкладывал антивоенные. Лидером был он отменным, только с изнанки лидером – как бы с приставкой «анти». Раскручивал солдат выступать против военных порядков. Вот кто умел людей повлечь за собой! Попал он по набору и служить не хотел из своих глумных принципов. Что с ним только ни делали... вы не подумайте! Просто дисциплинарного характера. Ведь здесь без дисциплины ни на шаг. Так-то он все делал, слушался, а по ночам вытворял козни. Да так, что сразу не догадаешься, что его рук дело. Но все знали!

Вот ваш супруг и предложил его к собачкам перевести, – Леонид с уважением глянул на военного, – такая должность не позволяла его издевательств. Очень, надо сказать, правильное решение было его в роту армейских сторожевых определить.

Смотрим, исправился парень. Ответственность почувствовал. Тут появился Сатурн. Убей меня, не помню как. То ли я в отпуске был, то ли перевели к нам щенков из другой части. Но не из наших была собачонка эта.

Скоро руководство заметило необычное поведение Сатурна. Всегда бывает: одни собаки лучше, другие послабее. Но такого чуда еще не было. Собака могла сидеть неподвижно... часами. Как скульптура. Тут мы поняли, что это Баум натаскал пса, и видим, что против устава, и всё... можно Баума под трибунал за самовольство и порчу наиболее ценного армейского имущества – накопилось против него улик.

Тут раз – Баум заболевает и... очень так быстро в госпитале скончался. У него врожденный порок обнаружили. Бывает так, что мы новобранцам не верим, когда они комиссию по медицине проходят. Особенно, когда они про пороки разные придумывают. Тут, видно, правдой оказалось. Ну, армия дело такое – мог бы студент на дополнительной комиссии настоять. Никто бы не отказал!

В то же время, самый лучший кинолог нас ошарашивает. Сатурн – «замещатель»! От слова «замещать», понимаете?!

Лоре стало не по себе и вдруг захотелось побыстрее отсюда уехать. Она посмотрела на мужа, а тот уставился в землю. Таким она его еще не видела. Было понятно, что речь зашла о серьезных вещах.

Он аккуратно поднял глаза на Лору и решил, что пора вступать.

– Дружище, давай мы еще раз приедем, и ты нам порасскажешь, а?! Очень интересно, но моя супруга не сильно в курсе нашей работы. Точнее, ее это мало интересует. Что ты гово-

ришь, даже для меня сложно. Вообще, скажем, малодеказательно, – полковник попытался улыбнуться.

– Лора, давай до дому. В Интернете таких фантастических историй про животных пруд пруди. Ты, я вижу, слишком обстоятельно ко всему относишься. Но теперь не военное положение, чтобы всё серьезно...

Он еще раз попробовал улыбнуться, отчего на упитанном лице появились смешные складочки и черточки.

Лора тоже состроила улыбчивую гримасу. Но теперь, что бы она ни делала, все было лишь механическим способом воспроизвести свое обычное поведение. Информация о невероятном явлении захватила ее мысли. Единственным спасением был бы ужин в каком-нибудь спокойном теплом местечке.

– Прочь отсюда! В “Замок Фей”, “Радужный сад” или «Гомерсон» – любую уютную забегаловку. Что-нибудь горячительного. Стало прохладно, несмотря на теплую осень.

Они поехали в сторону города.

– Ты знал этого... Баума? – осторожно поинтересовалась Лора.

– По-правде, замечательный вышел бы военный. У меня ушел не один год, чтобы воспитать в себе свойства командира. Качества, служащие ориентиром для младших по званию. Не просто брань и приказы – люди идут за сильным примером. У Баума все это было, как только он пришел в часть. Но его истории после перевода к кинологам я не знаю. Только из рассказов Леонида. Но он на свой лад говорит...

– Ты никогда не рассказываешь потусторонние легенды. Леонид... у него все нормально с головой?

– У нас медкомиссии каждые три месяца. Если бы свихнулся – в отставку, на пенсию. Просто человек начитался про собак. Я сам видел массу историй в сетевых дневниках. Диву даешься. Почитай сама!

После ужина, когда они вернулись и муж уснул, Лора ринулась изучать «замещателей» в интернет, но ничего дельного не обнаружила. Страницы кишели историями о необыкновенных способностях домашних питомцев: снимать боль, предсказывать погоду, находить пропавших детей. Леонидова теория не находила подтверждения в людских сплетнях.

«Стоп, – промелькнула у нее мысль, – Лео говорил про кинолога, военного. Как бы его найти?»

Глава 12.

Хозяин застыл, не шелохнется. Уже час он не проронил ни слова, не произвел малейшего движения. Со сложенными у груди руками он сидел, не шелохнувшись. Первое время Дара могла видеть необычное движение его глаз, – как если бы Хозяин смотрел на пробегающий мимо поезд. Слезы скатывались по его щекам и потом высыхали.

Наблюдая эту сцену, собака сама вошла в некое оцепенение. Закрыла пасть и, незаметно для себя, стала очень осторожно дышать через ноздри. Вокруг Серафима во всей его комнате, гостиной и дальше, распространялась ароматная субстанция. Дарин чуткий нос мог уловить лишь краешек этого запаха. То был тончайший аромат на границе ощущения как такового и запаха кислорода. Почти неощутимый – как порой можно одним носом определить приход холодов или едва заметный ветер. Другая собака могла и не обратить на это внимания. Дару отличала наблюдательность, и этот запах она подметила давно. Порой аромат усиливался, но всегда возникал только в присутствии хозяина. Сейчас собака осознала, что его-то и учуяла, когда оборвалась шторка. Но тогда ей было невдомек.

Мысли в ее голове стали занимать самую незначительную часть восприятия. В сознании собаки нашло себе приют таинственное очарование, аромат и... пустота! Последнее показалось Даре таким страшным, что она слегка взвизгнула, и на ее холке поднялась щетина. Но тут накатила волна покоя, поскольку с пустотой пришел мир и отчужденность. Взгляд стал

терять контуры, поплыли пятна, и незаметно Дара уснула. Провалилась глубоко – ниже или дальше снов с привычными сражениями с немислимыми врагами. Специалисты назвали бы это глубоким сном без сновидений. Последние события стали для Дары гигантским разрывом между мировосприятием, к которому она привыкла, и новым способом ощущения дома, хозяйина, Лоры, других обитателей привычного мира.

Проснувшись, она плохо помнила случившееся. Хозяин лег спать. За окном было темно. Дара побрела на кухню и вылакала всю чашку воды, по-прежнему ощущая жажду.

Лежа с открытыми глазами, она пустилась в необычное путешествие: перед неспящим взором выстраивались картинка с Серафимом. Хозяин возникал в разных ракурсах. Вот он сидит каменный, потом читает книги, готовит еду, кормит ее, Дару. Все это выглядело сто лет знакомым, хотя у этого человека она совсем недавно. Еще мгновение, и она без усилий проникла в мысли Хозяина, когда он занимался своими делами.

Собака могла различить чуть слышные, не понятные ей слова. Но за каждой словесной мыслью стояла мысль летучая, и ее Дара могла приспособить к своему восприятию. Идеи Серафимовы были куда сложнее способа, каким думала собака. Простые импульсы, как намерение хозяйина ее накормить или когда он сам ел или готовил, не представляли сложности. Но в чтении книг мысли Хозяина приобретали незнакомые очертания и необыкновенную скорость. Ум собаки вообще отказывался это воспринимать.

Мысли обладали собственными запахами – преимущественно утонченные и не связанные с едой. Понемногу Дара стала осваивать необычный мир ароматов, царящих в хозяйском жилище. Прошло немного времени, и собаку наполнили ароматы: ей казалось, что нос утопает в различных цветочных лепестках и терпких травах.

У Лоры дома парфюмные испарения водили хороводы. К ее маленькому столику с пузырьками и коробочками вообще невозможно было подступиться. Те запахи были слишком резкими и всегда стояли фоном для остальных, более приятных для собаки обонятельных ощущений.

Попадая на улицу, Дара удивлялась, как можно жить в таком удушливом месте. Улица несла массу невероятно притягательных ароматов, и голова собаки сама крутилась по сторонам в поисках источников сильных запахов.

Мысли по запаху разительно отличались ото всего, к чему она привыкла. Мысль передавала прямой безукоризненный тон, примеси к которому были невозможны. Тон мог быть тревожным или радостным, порхающим и томным. Вспомнив о Лоре, собака уловила ее умственные колебания и заключила, что Лорин поток мыслей бежал много быстрее, чем Серафимов. Никакого сравнения. Лору невозможно было «слушать обонянием» – один аромат вытеснял другой и мгновенно перекрывался третьим. От такого сумбура восприятие притуплялось, и чувства собаки отказывались давать характеристику – хорошие это мысли или плохие. Был просто шум.

Намного проще пахли тоны хозяйина. Они ложились в ту часть понимания Дары, которая помещала в себе все цветочные, растительные и слабо уловимые запахи. Длина волн тонких ароматов была огромной. Земные запахи всегда имели некое непостоянство, будто пунктирная линия. Запах мог быть сильным, но всегда приостанавливался, чтобы возникнуть с новой интенсивностью. Так пахла еда, Дарино собственное тело и тела всех-всех людей. Запахи всего, что оставляли после прогулки другие собачки, животные и птицы. Также сильнейшие запахи из больших ящиков, куда люди относили пакеты.

Куда интереснее для собаки было разобраться с запахами тонкими. Некоторые места на земле, асфальте или траве, помимо запаха, излучали ток. Дарин нос улавливал и токи, но совсем иначе. В одних местах ток щекотал нос, в других ощущал движение, подобное воде.

Стоять в том месте, где от тока трепетала шерсть, было неприятно, и Дара инстинктивно перебежала в другое место, которое давало водяную вибрацию или походило на сухую траву, неся чувство теплоты и здоровья.

Глава 13.

Прежде чем отправиться на поиски упомянутого Леонидом специалиста, Лора захотела разузнать, как поживает ее любимица. Она набрала отцу спозаранку, поскольку знала, что тот встает рано, но и на этот раз отец не захотел разговаривать до тех пор, пока не услышит срок пребывания собаки у себя дома. Лора догадалась, что псина набедокурила или, что еще хуже, укусила старика, поэтому поторопилась с обещаниями. Она лягнула, что заберет животное в этот же день, лишь бы избежать телефонного рассказа отца о Дариных подвигах.

В военную часть Лора отправилась на своей машине, но Леонида искать не спешила. Она подъехала к постовым и спросила, где можно найти хорошего ветеринара. Следуя уставу, постовые послали ее в будку с телефоном. У тетки-офицерши на другом конце провода она узнала, что здесь не лечебница и странно, что гражданские звонят в часть с подобными вопросами. На что Лора затараторила, что давний знакомый настоятельно рекомендовал ей обратиться именно в эту часть. На вопрос об имени знакомого Лора соврала, назвав служебного приятеля своего мужа.

На той стороне замешкались. Названная фамилия произвела должный эффект, и в трубку задышал еще один военный:

– Кто конкретно вам нужен?

– Меня зовут Лиза, Елизавета! Я ищу специалиста, который бы подсказал, что с моей собачкой. Она подчас человеческим голосом пытается заговорить. Такое вот ощущение! В суете Лора сморозила глупость, достойную разве только школьника-прогульщика. Но голос нисколько не удивился и посоветовал записать телефон, по которому могут помочь.

Не веря в такую удачу, Лора не пишущей ручкой нацарапала на ладони красные черточки цифр и, поблагодарив, попрощалась. Пока цифры не исчезли, она принялась набирать номер «человека-помощника». Ответили со второго раза.

Лгунишка повторила свой рассказ мужчине с приятным голосом, опустив подробности о речевых способностях своей собаки. Приятный баритон оказался человеком интеллигентным и как-то сразу понял ситуацию, но предложил описать случай подробнее и не по телефону.

– Простите за напоминание, профессор. Я женщина, а сейчас осень, и ваши коллеги милостиво позволили позвонить вам из неотапливаемой будки. Соизвольте взглянуть на некомфортную ситуацию моими глазами...

– У меня своих четыре, – бодро вставил профессор, иронизируя по поводу своих глаз. – На каком вы входе? Я к вам подойду.

Через десять минут в подобной же, но уже отапливаемой будке Лора беседовала с рыжим профессором, выражая ему свои скудные, но роскошно додуманные познания в области «замечателей». Собеседник немало удивлялся.

– Все же просочилось в Интернет! Ну, ничего же от этой сети не скроешь! Надеюсь, вы недавно наткнулись на эту информацию? – поинтересовался ученый.

– Вчера. Всю ночь просидела за компьютером и наконец поняла, что это самое происходит с моей собакой!

– Постойте, как же вы так быстро меня отыскали, или там ссылка на мое имя? – мужчина очень заметно испугался.

Лора не растерялась и схватила бразды в свои руки.

– Именно. У вас, должно быть, завелся информатор. Потому что там кое-что еще можно накопать...

– По какому адресу? Как же так... хотя в общем ничего секретного, так... Все равно неприятно. Работаешь-работаешь, а тут... во всеобщий доступ. Никакого уважения к авторским правам!

– Пожалуйста. Я вам скажу адрес. Но допускаю, если информация ценная, то она исчезнет так же быстро, как и появилась. Но сейчас скажите, насколько это правда? Или все же гипотеза?

– Только после того, как услышу от вас все, что написано про мое честное имя! – потребовал профессор.

Направив взгляд в сторону, Лора стала на ходу составлять предложения, создавая очередную сюрреалистическую картину – сплав правды и вымысла:

– Речь шла о каком-то солдате, который чокнулся в армии и из «лечебки» написал своему другу о случае со служебной собакой. Дескать, та залезла в его голову, мысли читает и хочет в его голове поселиться. Обычный бред сумасшедшего. Дальше ненормальный рассказывал, что ему скоро умирать, но и его служебной собаке тоже уготована короткая жизнь. Она, мол, поселится в его голове или в теле, я не разобрала. Бред, одним словом.

Потом друг его, кто собственно блог тот писал, признается, что действительно через два дня скончался рядовой. Собаку, дескать, в лаборатории запрятали. И этот же товарищ рассказывает древние истории о собаках, которые приобщались к святым отшельникам и... потом с нимбами над головой бегали по лесам!

– В этой глупости тоже про меня упоминается? – перебил профессор, – это все вообще из другой оперы.

– Давайте мы устроим взаимное обогащение информацией. Я вам, уважаемый, больше половины выдала из изученного материала. Проявите уважение к даме! Я не на прогулку сюда приехала – поясните, будьте любезны, что с моей собачкой. Она, я чувствую, тоже мысли читает. Проникает, так сказать, в мое сознание. В следующий раз я ее привезу вам показать – может, у вас тоже что-нибудь интересное в голове хранится, и она там покопается.

Пятидесятилетнему мужчине не оставалось ничего другого, как начать колотиться. Профессор долго выбирал выражения, мямлил, ссылаясь на конфиденциальность и даже попробовал грубо, но неубедительно прекратить встречу. Лора была непреклонна.

– Что еще за штучки? У кого из нас в паспорте стоит буква «Ж»? Джентльмен, не идите на компромисс с совестью! Ваше поведение достойно моего собственного смачного комментария в Интернет-дневнике. Поверьте, за мной не встанет! Там и фамилия и должность ваши будут приписаны вдобавок к имени. Особо я подчеркну манеру поведения с дамами. Дескать, вот что армия с мужиками делает. Уже потираю руки, предвкушая, насколько популярен будет мой мемуар...

– Вот не надо так, а! Я вам в ответ тоже начирикаю... Давайте присядем. Я закурю? Вы сами многое прочли, что вам не понятно? Легенды читали? Есть в них доля-толика правды. Никакого абсурда с оборотнями в «замещении» нет. Возьмусь сказать, что это самый что ни на есть эволюционный процесс. Вот сравнение: вы живете себе, живете, и кажется, что переросли вы всех своих окружающих и умом, и способностями. Возникает вопрос: как с таким невероятным знанием обрести круг знакомств, чтобы вас поняли, чтобы не приняли за идиота?

Профессор перешел на абстрактное описание личности.

– Индивидуум считает, что с ним все в порядке. Только взгляд расширился, прояснились многие вещи про жизнь. Он стал другим. Вот только толпа не внемлет. Нет контакта. Где его найти? – профессор вопрошающе посмотрел на Лору.

– Не знаю! – промолвила запутавшаяся женщина, – можно в Интернет-сообществах поискать... ?!

– Да что вы все про Интернет! У него что, душа есть, у интернета вашего? Вам живое общение нужно, или вы за Интернетом замужем; он вас ласкает, утешает, подбадривает?

– Проехали! Дальше, – цинично огрызнулась Лора, понимая что с этим мужиком по-другому не получается. Но тот стоял на своем:

– Ищите? Но сейчас таких людей немного, и по виртуальному миру они не ходят. Такие индивидуумы с этим миром толком-то разобраться не могут. Не забудьте, мы вообще про собак говорить начали. Верно?! С людьми происходит подобная схема замещения, поэтому будет проще понять на примере человеческих существ.

Значит это только одно – освободилась ниша! – На этих словах профессор поправил очки, отчего глаза за стеклами сделались вдвое крупнее. – И этот продвинутый индивидуум может ее занять. Порой до осознания этого факта добираются своим умом. Когда не получается, скажем, что-то мешает, то несчастный сильно мучается. Ему становится тесен мир, как старые джинсы! Понятно?

– Не-а! – искренне промычала Лора.

Собеседник проигнорировал женскую реплику:

– В свободной нише сразу оказывается очень много простора. Гигантское пространство! То ему было тесно, а теперь – наоборот. Новому генотипу становится страшно в «нише». Куда он ни посмотрит – не видать конца и края.

– А с кем он в нише общается? В моем понятии ниша – это что-то исключительно узкое, – полюбопытствовала Лора.

– Используйте слово «этаж» или «отсек». Пока это не проверено в достаточной степени, чтобы причислить к известным категориям. Формулировки можно менять. В отсеке не узко и не широко. Там не видно границ. Они, конечно, есть, но их не видно. А общения там предостаточно! Человеческое существо попадает в место, где такие же, как он. Продвинутые! Общения там через край. Даже мозгов не надо – вся информация в первозданном виде воспринимается. Как семя идеи, на глазах прорастающее в гигантское дерево. Контакт происходит быстро. «Продвинутые» могут идти по разным улицам в разных городах, при этом разговаривать себе без воздействия на слух окружающих...

– Вы имеете в виду, они живые люди и ходят по улицам, а не живут в отсеке? Я что-то здесь не поняла! – сморщила лоб Лора.

– Мы, уважаемая, обречены заблудиться в терминах. «Отсек» не является конурой. Он не место в нашем большом городе или за его пределами – он внутри всего. Так понятно? – ученый стал негодовать, что сказанное становится слишком сложным для среднего человека.

– Они что, психи? В своем мире живут. Вы так и говорите! Но при чем здесь моя собачка? Она не бешеная! Я ей все уколы еще три месяца назад сделала...

– Успокойтесь вы! Я не говорю, что ваш э-э... друг бешеный.

– У меня друга нет. Только муж. И он точно не псих. Возможно, более серьезный, чем я. Но вот он-то про собачку стал подозревать. Для меня она самое нормальное существо.

– Допустим, – профессор стал чувствовать глубокую некомпетентность в общении с женщинами, не входящими в научные круги. Одновременно его подозрительный ум стал пускать флюиды недоверия – может, эта хитрюга использует психологические приемы, чтобы выудить дополнительную информацию?

Глава 14.

«Лжелиза» тоже понимала, что время расходуется неэффективно, а она так ничего еще не добила. Лора занервничала:

– Вы слишком витиевато рассказываете. Можно доступно про замещение у собак что-то прояснить?

– Увольте! Про человека получается витиевато, а про пса будет понятно? Так? Он вроде размером поменьше и голова маленькая – мозгов мало. Не в извилинах дело! Когда собака думает, у нее нет логической цепочки. Или последовательность выстроена не так, как у людей. Одновременно могут возникать четыре, а порой и пять мыслей. Одна всегда связана с обоня-

нием – нюх, сами знаете, у собак на порядок более развит, чем у людей. Еще четвероногие снабжены приспособлением, улавливающим токи земли. Это вообще отдельный разговор. Вот уже – два! У человеческих существ такого нет, или способность совсем не развита. Мне продолжать?

– Ага! – Лора уловила, что собеседник поддался профессиональной эмоции и сейчас может брякнуть лишнего.

– Да что я с вами говорю? Мы говорим на разных языках! – отчаялся собеседник. – Человеку сложнее занять свободную нишу, чем собаке. Если та живет с хозяином и привыкает к нему, через несколько лет она становится... такой же, как он, но в теле собаки и с собачьими мозгами. Мысли, существовавшие как четыре условных информационных потока разноокрашенной эмоциональной динамики, сливаются в единую струю. Положим, пес ощущает запах. Потом осознаёт его влияние на свою психику, а затем рассматривает возможные действия при этом запахе. Получается завершённый цикл! Поведение животного больше не опирается на инстинкты, и мыслительный процесс скорее напоминает... человеческий. Даже если на тарелке вкусная еда, собака может повременить с приемом пищи, сделать что-то более важное. Например, поприветствовать хозяина и узнать от него новости. Может имитировать. Победа над инстинктом означает, что животное доросло до человека. Так понятно?

– Ну да! Потом-то что? Ниша на каком этапе появляется? – съязвила Лора.

Не обратив внимания на колкость, ученый провозгласил:

– Тогда и появляется. В нише открывается дверь. И собака может забежать. До этого она гуляла туда-сюда по коридору, условному коридору. Но в один момент распахнулась дверь – за ней светло, ясно. Поймите, иная собака испугается такой двери, хотя, может, и подошло ее время перехода. Дальше пройдет только смелая! Но для этого она сначала должна умереть... – профессор запнулся. Он не рассчитывал рассказывать так далеко.

– Мне повезло, что я не видел такого, только догадываюсь. Хочу оказаться не прав – смерть не должна быть последним словом в эволюции. Домыслы в науке не считаются...

В приемную, где проходила их беседа, без стука вошел лейтенант. Подойдя к профессору, он отдал честь и открыл рот для сообщения. Тут он заметил женщину, но не усмотрев в ней ничего подозрительного, сухо отчеканил:

– Сатурн при смерти. Вам приказано явиться в лабораторию!

Глава 15.

Лора приложила усилия, чтобы не вскрикнуть и не засветиться, что знает про Сатурна. Оба мужчины, обгоняя друг друга, устремились в длинный коридор, и о Лоре уже никто не вспоминал. Только издали до нее донесся знакомый голос, обращенный то ли к лейтенанту, то ли еще куда-то:

– Ворона, твою мать!... накаркала!

Женщина пребывала в недоумении: ее интересовало, чье же место займет сейчас беденький Сатурн?

«Конечно, этого солдата, как его звали... э, Баум!» – нарисовалось отчетливо в ее сознании. «Лжелизе» сделалось радостно, будто она знала этого Баума и была уверена, что более достойного места для Сатурна просто не найти. Только представить: занять нишу славного парня!

Ну, что могла знать эта собачка – только команды, дрессировку, черствых военных. Теперь она увидит природу, восхитится ее красотой и познает прекрасные человеческие чувства! Ощутит любовь, долг, славу! Вкусит, однако, и предательство, боль, одиночество. Но все лучше, чем жить в шкуре и подчиняться инстинктам. Потом, какой замечательный подарок – у нее появится интеллект. Человеческий ум, который можно обучить, призвать к рассуждениям, выбирать и... любить!

Тут Лора наткнулась на тупичок в сладкой дреме своей фантазии – любить животное способно даже больше, чем человек, и ум совсем не при чем. Но ей ни за что не хотелось прерывать сладостного состояния, в котором она очутилась. С умением, присущим только женам военных, она маневрировала от проблемной мысли к чувственному потоку, не омраченному тяжестью и противоречием. Ей казалось прекрасным освобождение существа из животного облика и дальнейшее странствие в человеческий мир.

При мысли об облике она непроизвольно достала зеркальце и притупленным взглядом уставилась в отражение.

«Как бы мне хотелось посмотреть на себя в новом теле! Если Даре предстоит занять мое место, то кем же стану я? Кем я буду?» – Лора заметила, что повторила эту мысль дважды про себя. Воображение сработало необыкновенно быстро, и сознание женщины дорисовало вожаденный облик без малейшего напряжения – лицо с перламутрово-прозрачной кожей, источающее едва заметное свечение. Глаза глубокие – насколько хватает духа в них нырнуть. Лоб высокий с ритуальным рисунком, необыкновенно изящным, похожим на инкрустацию тончайшей драгоценной нити.

Этот узор сам творит мечту, и та мгновенно исполняется. Мысль – пульсация Абсолюта, нашедшая мимолетный приют в узоре на лбу. Игра мечты и совершенной яви делает весь лик прекрасным.

Внезапно лицо в сознании Лоры стало меняться и стало другим: с темно-фиолетовой, баклажанового цвета кожей, обрамленным иссиня-черными волосами, рот разинут, но не в крике и не в песне. Рот обнажал красный язык, развивающийся, как пламя.

Лора дернулась всем телом и очнулась. Сфокусировав глаза, она боялась увидеть вместо лица чужую маску, но наткнулась на свой же испуганный взгляд. Внезапный мираж казался чем-то виденным прежде. Причем в реальном мире. Где? При каких обстоятельствах она могла встретить облик черноволосой незнакомки? Промелькнувшие перед мысленным взором подружки даже отдаленно не напоминали зрелища из недавнего миража.

Окончательно придя в себя, Лора вспомнила о Сатурне и устыдилась своего сладостного забвения. Смерть прочно ассоциировалась у нее с печалью.

«Кем буду я? Кем буду я?» – эхом отзывалось в ее памяти.

Кто-то протягивал ей стакан воды. Это был сторожевой, который принял необычное эмоциональное состояние посетительницы за приступ нервной болезни, но пребывал в недоумении, поскольку сейчас женщина улыбалась и не выглядела расстроенной. Она поблагодарила и направилась к выходу.

Глава 16.

Заведя машину, Лора уже была убеждена, что Дара поедет с ней домой. Причем сегодня, сейчас. Ни к чему ждать до завтра.

– Вот отец-то обрадуется! – вслух проговорила она.

Волна хорошего настроения омывала, как нежный прибой, каждый раз даривший еще одно подтверждение правильности ее решения.

«Возьму Дарку! Милая моя, как ты сможешь меня заменить? Куда мне направиться?» – подумав, она сказала вслух:

– Только не в армию!

Но не хотелось о плохом. В конце концов, муж – военный, и до сих пор их отношения не давали повода к жалобам. Она порою даже гордилась союзом «красоты и силы», в котором себе она приписывала как то, так и другое, а мужу, да чего таить, только частичку второго качества.

«Что же это было за лицо? Какое-то знакомое, – вновь завертелось в голове. – Ну вот, буду теперь себя мучить, вспоминать. У кого из моих знакомых черные волосы? Может, кто из дальней родни? Чернявой была племянница, певичка. Но у нее была светлая кожа. Где же, где?»

Возле дома отца она вспомнила, что хотела позвонить ему и предупредить о своем визите. Теперь поздно. Она уже стучала в дверь.

Отец улыбался самой широкой улыбкой. Дочь чмокнула его в щеку и с порога стала заглядывать через плечо, высматривая Дару. Та была тут как тут. Не успев поздороваться с собакой, Лора услышала папин вопрос:

– Почему тебя так волнует, что я подумаю? Как твои мысли могут знать, что будут делать мои мысли? Они что, знакомы?

– Опять ты в своем духе! Конечно, знакомы. Я твоя дочь. Мои мысли – это детки твоих мыслей. У меня не может быть заумных суждений, тяжелых и старых. Дай поцелуюсь с девочкой!

Старик довольно улыбнулся.

Дара была несказанно рада приходу «живой» Лоры. Ее чаяния и надежды, ее ожидания и мечты все сходились к образу живой души в женском облики. Лора была по-настоящему! Легко читаемой и знакомой. Можно без труда расположить к себе, и вообще с ней беззаботно! Не то что с Хозяином. Старик и его «каменная Лора» порядком натянули собаке нервы, и теперь ей хотелось расслабиться.

– Да не крути ты хвостом, оторвется. Ишь, пропеллер! – И, обращаясь к отцу, – Ты почему про мои мысли с порога зарядил? Я вообще не поняла, что ты такое сказал. Слишком мудрено. Повтори! Вообще, от чего заинтересовался моими мыслями?

– Я тут вообще не при чем. Это твоя собака, она догадалась, что ты идешь. Легла подле двери.

И, выждав паузу, добавил:

– Ты ведь за ней пришла?

– Да. Откуда... Ага, понятно! Знаешь, я как-то по ней заскучала, и знакомые много интересного про собак рассказали. Естественно, мне захотелось Дару взять назад. Надеюсь, она тебя не сильно донимала?

– Не шибко. Но активность свою показала. Она сама научилась мыться! Шторы теперь умеет снимать.

– Ты что-то говорил!..

Серафим только пересказал случай о том, как обнаружил Дару после принятия ванны.

– Скажи, пап, а еще что-нибудь необычное ты в ней замечал? Ну, что отличает Дарку от других собак?

Старик улыбнулся, но ничего не ответил. Только пожал плечами.

Дара, наблюдавшая эту сцену, внезапно поняла, о чем толкуют люди, и почувствовала, что Хозяин ее не выдал, не сказал дочери всего и таким образом защитил ее. Уважение к хозяину вспыхнуло с новой силой.

Когда Лора закрепила ошейник, до Дары дошло, что сейчас они отправятся к Лоре домой, и обрадовалась еще больше. Однако ей вспомнился недобрый Лорин муж, и она перестала вилять хвостом, загрустила. Она понимала, что не сможет себя контролировать с этим человеком.

Собаке становилось ясно, что для одних людей она старается быть лучше. Другие, неприятные ей, не позволяют контролировать эмоции.

«Буду лаять! Ругаться, – промчалось в ее голове. – Лорин мужчина. Р-р-р. Злой! Злой!»

Умная зверина посмотрела на Хозяина. Она ждала увидеть в нем сочувствие – ведь они расстаются. Собаке казалось, что, несмотря ни на что, хозяин будет о ней скучать.

Но нет! Серафим, казалось, был абсолютно безучастен к происходящему. Он улыбался, любовался на дочь и не глядел на вертихвостку. Дара обозлилась на него, не в силах подавить эту эмоцию. В этот самый миг старик подарил ей взгляд и тоже улыбнулся.

Эта улыбка была адресована именно собаке. Дара успела запомнить, как Хозяин улыбается своей воспитаннице – Анджали, как улыбается мужикам, которым открывает дверь. Она помнила улыбку, которую он дарил каменной Лоре, живой Лоре, улыбку как таковую. Но подобной улыбки он никого не благословлял. Никогда на ее памяти!

Однако эта сцена, помимо воли, подняла в ней необъяснимую злость. Шерсть на холке оцетинилась, вот-вот зарычит. Собака почувствовала, как Лора интуитивно натянула поводок – резко, не так, как старик. Ярость испарилась, как не бывало.

Старая реакция. Дара знала, что скоро такие вспышки будут появляться все реже. Ей опять сделалось хорошо – она нужна стольким людям! Теплая радость носилась по телу. Плутовка завияла хвостом, готовая отправиться в новое путешествие. Ведь редко какая собака может гордиться столь удачным стечением обстоятельств. Каждый день в доме Серафима она жила новой жизнью – открытия шли одно за другим.

Последним, что она видела, выходя из дома, была улыбка Серафима и... еще перед глазами мерцала штора, прикрывающая каменную Лору. Эти два явления были связаны невероятным образом. Человеку это показалось бы абсурдной связью, несурзацей. Но только не собаке – все имеет значение, все спаяно с чувствами и инстинктами.

Лора в это время вспомнила о смуглом лице, пригрезившемся накануне. Она задержалась возле открытых ворот и обратилась к отцу:

– Пап, кто у нас из родни смугленький? Ну, там, может с юга или откуда с востока. Не могу сказать. Что-то вспомнилось? Может, из знакомых? Никак не могу припомнить. То ли у тебя дома видела чье-то фото?

– Не припомню, – наигранно почесал лоб Серафим, – может, ты мою статуэтку имеешь в виду? Других восточных в нашем роду не было.

– Каменный род?..

Лору озарило. Конечно, это была отцовская статуэтка, за которой он ездил в Индию. Но показывать старику заинтересованность в этой фигурке ей не хотелось. Можно было нарваться на лекцию, а это было бы совсем некстати. Вдобавок, статуэтка была напрямую связана со странным увлечением отца, о котором они не раз спорили, и Лора решительно не принимала воззрений родителя. Себя она считала состоявшимся человеком, превосходящим отца в житейских вопросах, и даже была в состоянии поучать других. Но объект увлечения папы заставлял чувствовать свою непосвященность в некой обширной и малодоступной пониманию теме, а в этом дочь сознаваться не хотела.

– Ха! Да, кажется, ее-то я и вспомнила. Наверное, что-то похожее увидела в магазине. Видишь, память какая у тебя! Ладно, пойду.

– Память – штука хорошая. Можно запоминать, а можно забывать. Порой забывать даже более важно! Сколько всего ненужного мы в голове носим. Тебе моя богиня правильно запомнилась. Чувствуется внутренняя потребность к свету... – папа завел свою пластинку, и на пороге было неудобно его прерывать. Ведь дочь так не хотела выходить на крайние темы. Думала взять Дару и побыстрее уйти.

– Прости, что прерываю, – ей вдруг подвернулся выход из ситуации, – может, я что-то должна за еду? За Дару? Ты ее кормил, там, может, не хватило?

– ... а напряжение в мыслях и ухищрения ума тебе мешают забывать чепуху. Мне ты ничего не должна. Иди с миром. Я пока не знаю, кто кому должен. Может оказаться, что я тебе. Ступай!

– Не напрягайся! Жизнь прекрасна, – она обращалась к отцу, как к сверстнику. – Извини, что долго не забирала Дарку, – семейная дипломатия. Понимаешь?

Лора поспешила к воротам, где стояла ее машина.

Глава 17.

Дома Дару ждала та же обстановка, что и перед отъездом. В воздухе царили запахи Лориной косметической лаборатории. Формы интерьера, в сравнении с домом Серафима, были более острыми, и пространство в целом отличалось от духовной наполненности, присущей жилищу Хозяина.

Оказавшись на старом месте, собака поняла, что называет старика Хозяином. В сознании домашнего животного, особенно собаки, хозяин – не просто еще один человек или объект окружающей среды. Это нечто гигантское, подобное тому, как у религиозного человека понимание Бога выходит за рамки описанных представлений и становится неотъемлемой частью жизни – важной, отправной и определяющей все остальное в пространстве творения. В мироощущении собаки хозяин занимает даже не полнеба, а добрые две трети. По крайней мере, так было у Дары.

Хозяйка-женщина, к которой Дара вновь вернулась, никак не подходила под понятие «двух третей неба». Бесспорно, Дара ее любила, слушалась и уважала. Но как прикажешь преданному сердцу собаки? Хозяин выбирается сердцем, и все тут!

Юный возраст четвероногого друга человека не позволял выбирать себе дома, и пребывание на территории Лоры было подчинено естественному ходу событий. Инстинктивно Дара чувствовала неприятную встречу с другим обитателем этого пространства – Лориным мужем-полковником.

Он скоро возник и вопросительно поглядел на жену, удостоив Дару быстрым безразличным взглядом. Собака знала, что есть вещи, которые люди говорят тихо и только друг другу. Иная песня в открытых разговорах. В них эмоции текут от говорящего к слушателю, вращаются и, как люди, играют друг на друге, словно на музыкальном инструменте.

Разница двух форм общения в том, что шепотом передаются тайные, чувственно приятые, доверительные вещи. В открытых шумных речах человек в большей степени думает о себе, не старается передать сокровенные мысли, полные симпатии и уважения к собеседнику.

Настроение полковника было направлено на внешнюю, открытую и, пожалуй, агрессивную форму общения. Собаке тоже было понятно: в отличие от спокойного разговора, громкий монолог не искал новой информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.